

ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ

ВЕСТИМ

УЧРЕДИТЕЛЬ — ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

№ 12 (62) МАРТ

1992 г. Цена свободная.

В НОМЕРЕ:

2.

ТЕРИЙОКСКИЙ
ДНЕВНИК

3.

СКАНДАЛЬНАЯ
СЕССИЯ

ГОРСОВЕТА

4.

ВОСПОМИНАНИЯ
ЖЕНЫ

Г. В. ПЛЕХАНОВА

5.

Особняки царских кондитеров — жителям страны Советов (За заборами бывших партийных дач)

ВЕСНА на пороге, господа. «Утро года», как говорил поэт. А там, глядишь, и дачные сборы, и чаепития на веранде, и скоропалительные летние романы. Потянутся из Питера в курортную зону вереницы черных автомобилей уже демократического начальства, и все пойдет, как прежде.

Впрочем, нет. Приметой весенне-летнего сезона-92 станет белый «мерседес», регулярно прибывающий в богом избранное Комарово не из Питера, а из сопредельного государства. Ибо л'амур, зародившийся год назад в романтической белой даче когда-то принадлежавшей всероссийско известному кондитеру Жоржу Борману, а затем поочередно коммунистическим лидером Ленинграда, этот л'амур продолжается и поныне. Потому как нет уз святее бизнеса, и речь идет о романе сугубо служебном, приносящем плоды в виде вождя деленных долларов.

Вот что удалось увидеть корреспонденту за большим зеле-

ную полезность и право на проживание в памятнике архитектуры.

Теперь разве что, на фото начала века увидишь, каковы были Келломяки, Терийоки и окрестности при прежнем режиме. Нет ни пляжей с водными трамплинами, ни антикварных лавок, ни бесчисленных пансионатов на все вкусы и кошельки. Дом Жоржа Бормана — единственная сохранившаяся именно усадьба, и не случайно на нее был положен глаз партийного руководства. Взглядам же беспартийных граждан препятствовал безумный зеленый забор традиционной окружающей зоны и загородные психолечебницы. Следует признать, что партийный присмотр сберег в деревянном, оштукатуренном особняке уникальную мебель, камины, первозданность планировки. Издержки вкуса сказались на замене дубовых настенных панелей древесно-стружечными плитами и чугунового литья ограды — плотным штакетником.

Однако, это было вполне об-

тив того, чтобы дать и науке, и технике немного конвертируемых средств? Ленсовет проголосовал «за» и поручил созданному при техническом управлении малому предприятию «Демо» заняться зарабатыванием денег на дачах бывших руководителей.

Слово «Демо» никакого отношения к слову «Демократия» не имеет. Оно распадается на две части — «де» и «мо» и означает «деловой мост». Именно его и начала строить ровно год назад директор МП «Демо» Зинаида Глебовна Кубасова, прежде руководившая исполкомовским техническим управлением. Она исходила из того, что бизнесмены — тоже люди, и кроме бесед на

коммерческие темы и подписания важных бумаг, им иногда хочется и приватной жизнью пожить, и на Вуоксе «серых уток пострелять». Поэтому важнейшим направлением работы «Демо» стала сдача в аренду помещений на условиях проживания в гостиницах РСФСР. А кроме того — ор-

Вместо этого фирмой «Кушнарефф» делается косметика фасада — без необходимых в таких случаях разрешения инспектора ГИОП, архитектурно-реставрационного здания и других аналогичных документов. Ольга Калининская в августе 1991 года закрыла актом все работы и предложила директору «Демо» Зинаиде Кубасовой оформить с инспекцией охраны памятников официальные отношения, но, увы, Зинаида Глебовна, уверенно чувствуя себя прикрытой управделами мэрии, укомплектованного бывшими партийно-советскими функционерами, полагает, что раз это надо ГИОПу, то пусть он к ней и идет на поклон.

Так тянется с августа прошлого года, и за это время — вдруг! Совершенно неожиданно! — выяснилось, что общаться по делу в бывшем партийном особняке партнерам фирмы «Кушнарефф» не очень-то сподручно. Гораздо удобнее встречаться в «Прибалтийской» — дом на Морской 14

Г. С. УСЫСКИН,

доктор

исторических

наук

ПЕРЕХОЖУ к описанию последних месяцев жизни Георгия Валентиновича Плеханова. Принимаясь за описания этого периода, я опасаюсь, что у меня не хватит ни слов, ни красок, чтобы передать чувства и переживания моего ушедшего навеки друга. Я боюсь, что не смогу воспроизвести того величия души, того спокойствия, которые не покидали Плеханова, сознававшего задолго до

коя. Предсмертный удар был нанесен Плеханову явившимися к нам в Царском Селе матросами и красногвардейцами, и вынудившими нас покинуть наше жилище, хорошо приспособленное к лечению больного мужа. Переезд в Финляндию, вынужденный безумной оргией террора, нанес ему окончательный, последний удар.

...Припадок удушья длился недолго и на этот раз, и, как только мужу сделалось лучше, мы

ВОСПОМИНАНИЯ Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ, пролежавшие 72 года

В ИЮЛЕ 1991 г. «Зеленогорский вестник» опубликовал в рубрике «Наше наследие» очерк Григория Усыскина об установке мемориального знака на месте бывшего санатория «Питкеярви», где 30 мая 1918 года скончался Г. В. Плеханов. В этом же материале указывалось, что журнал «Диалог» готовит публикацию воспоминаний жены Плеханова — «Год на родине».

своей смерти ее приближение.

На переезд в Финляндию и на поселение в санатории я начала настаивать задолго до осуществления этого... Муж не прекращал работы. Я находила необходимым и неотложным увезти его из Петрограда и устроить в благоустроенном санатории, где он вынужден был бы подчиниться дисциплине и отдыхать. Доктор Аитов, заведующий терапевтическим отделением во французской больнице и руководящий лечением Георгия Валентиновича, также настаивал на помещении его в санаторий. Он отреккомендовал мне один, в Питкеярви, недалеко от Териоки, по его мнению, очень благоустроенный, во главе которого стоял доктор, русский немец д-р Циммерман, хороший специалист по легочным болезням. Финляндская граница была тогда

двинулись в путь. Дорога шла лесом, было сухо и морозно. Мы с наслаждением вдыхали чистый, свежий воздух, а окружающая природа восхитила нас своей величественной красотой. Надежда наполнила мою душу, здесь, думалось мне, на лоне природы, хотя и суровой, в этом чистом воздухе Георгий Валентинович найдет исцеление.

«В таком чудесном месте нельзя не поправиться», — сказала я Георгию Валентиновичу, муж улыбнулся довольной, счастливой улыбкой.

Директор санатория доктор Циммерман и заведующая г-жа Буш встретили нас очень приветливо. Нам были приготовлены две очень уютные комнаты, небольшие, но высокие, с окнами на юг. Впечатление было благоприятное. Я думаю, что это было

Сегодня мы предлагаем нашим читателям познакомиться с фрагментами этих воспоминаний. Описываемые события относятся к первой половине 1918 года, происходят в Териоках и, главным образом, в санатории Питкеярви. Роза Марковна, сама врач с большой практикой, человек наблюдательный, широко образованный, с достаточной долей объективности, описывает жизнь в санатории, историческую ситуацию зимы и весны 1918 г., процесс болезни, а точнее, угасания близкого и родного ей человека, сильного духом и неукротимой воли.

72 года находились эти воспоминания под запретом. Главным образом, из-за резких суждений Г. В. Плеханова о деятельности большевиков и В. И. Ленина в 1917-1918 гг. Как ни странно, но и сегодня не так-то просто найти и прочитать все номера журнала с публикацией этих воспоминаний.

Подготовил настоящую публикацию фрагментов воспоминаний Р. М. Плехановой доктор исторических наук Г. С. Усыскин.

Финляндская граница была тогда открыта, проезд не затруднителен. Гражданская война, уже начавшаяся в Финляндии, носила слабый характер. Мы были далеко от мысли, что нам грозит полная оторванность от Петрограда, если покинем его для Финляндии.

Мы все-таки задержались в Петрограде до 23 января из-за паспортов и желания Плеханова устроить одно-два собрания редакции «Единство»...

Путь до Териок прошел благополучно. Георгий Валентинович оправился от усталости и оживленно беседовал. В Териоках на вокзале он почувствовал себя скверно. Он жаловался на стеснение в груди, одышку, сравнивая испытываемое им состояние с тем, которое он уже раз испытал, поднимаясь на Везувий.

Когда муж сказал мне в Териоках, что он почувствовал то же самое стеснение в груди и затруднение в дыхании, что на Везувии, я очень встревожилась, опасаясь сердечного переутомления вследствие ряда усилий, сделанных им в течение утра. От припадка удушья на Везувии он скоро оправился, но Георгий Валентинович был тогда моложе и крепче, процесс в его легких был тогда в периоде затишья.

Теперь же, в разгаре обострения процесса, это переутомление может повлечь за собой сильное переутомление сердечной деятельности. Опасения мои не рассеялись и после, несмотря на уверения врача санатория, что сердце Георгия Валентиновича работает недурно. И теперь, когда я думаю свою тяжелую, безнадёжную думу о том, что ускорило конец жизни Георгия Валентиновича, несмотря на громадную сопротивляемость его организма, я прихожу к заключению, что главной, непосредственной причиной, преждевременно отнявшей у нас и родины Георгия Валентиновича, было ослабление сердечной деятельности, вызванное отсутствием морального и физического по-

страдавшегося, измученного от долгих скитаний, который наконец нашел себе приют и покой. Самочувствие у Георгия Валентиновича было хорошее, несмотря на высокую температуру. Эта, последняя, тревожила меня; но доктор Аитов успокаивал меня, приписывая ее усталости от дороги. Муж улегся, поел с аппетитом, горячо простился с молодым доктором, попросил у меня книгу и, погрузился в чтение. Сколько мне помнится, историческая греческой философии. Когда я ему заметила, что лучше не работать, а взять что-нибудь легкое для чтения, он мне ответил: «Ты ошибаешься, Роза, если думаешь, что я приехал сюда для отдыха и для лечения, — мне надо работать», — и он погрузился в чтение.

В первый же день нашего приезда я заметила сильный недостаток в расположении предоставленных нам комнат. Двери их выходили в холодный, неотопливаемый коридор напротив наружных дверей, откуда входил холодный, морозный воздух.

Я решила добиться лучших условий жизни моего больного. Первым делом потребовать комнаты во втором этаже, обладавшем теплым коридором без сквозняков. За этим я обратилась к директрисе г-же Буш. Последняя заявила мне, что второй этаж предназначен для женщин, больным мужчинам отведен первый, и этого правила очень строго придерживается директор санатория д-р Циммерман, но, все-таки, обещала поговорить с ним и уговорить, но доктор Циммерман был неумолим.

Это было мое первое разочарование в порядках этого «образцового санатория». Я припомнила предупреждение мужа во Французской больнице.

«Мы у немцев не живем, и педантизм доходит часто до жестокой бессмыслицы». Он был прав. В отказе больному Плеханову в теплой комнате, выходя-